

Псковская Пушкиниана

В. Ф. Бутрина

Юродивый Николка в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» и блаженный Тимофей по спискам и редакциям «Святогорской повести» (К вопросу о проблеме прототипа и правдоподобия художественного образа)

В своих «Набросках предисловия к «Борису Годунову»» поэт, говоря о причинах обращения к жанру трагедии при работе над темой о борьбе за престолонаследие в России, указывает прежде всего на Шекспира: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории» (ПСС, XI, 140).

Точно так же, характеризуя особенности работы над системой образов в исторической трагедии, Пушкин вновь ставит на первое место Шекспира: «... я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой - а не придворный обычай трагедий Расина» (ПСС, XI, 141).

Говоря о влиянии Шекспира и его исторических хроник, основанных на английских летописных источниках, на русскую культуру

Бутрина Валентина Филипповна – ст. научный сотрудник отдела книжных фондов, просветительной и педагогической работы Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» член Союза писателей России

в пушкинскую пору, академик М. П. Алексеев заключает: «Шекспир переставал быть источником только литературных или театральных воздействий; он становился теперь также мощным импульсом идейных влияний, проблемой мировоззрения, содействовал выработке представлений о ходе истории, о государственной жизни и человеческих судьбах» (1).

Вспомним пушкинские строки о декабрьском восстании, о надежде поэта, что мировоззрение Шекспира - «взгляд Шекспира» - станет критерием для властей предрежащих в оценке происходящего как события исторического, подлежащего прежде всего суду Божию и суду народному: «С нетерпением ожидаю решения участи несчастных и обнаружение заговора. Твердо надеюсь на великодушие молодого нашего царя. Не будем ни суеверны, ни односторонни - как фр.<анцузские> трагики; но взглянем на историю взглядом Шекспира» (ПСС, XIII, 259). В способности Шекспира-творца прозреть в происходящем Промысл Божий для Пушкина заключилась и особенность - гениальная *особость* - всеобъемлющего Божьего

дара историка и мыслителя. Это у Карамзина было: «История народа принадлежит Царю» (2). У Пушкина же: «История народа принадлежит Поэту» (ПСС, XIII, 145). А утвердил его в этом именно Шекспир: «... но что за человек этот Ш.<експир>! не могу прийти в себя. Как узок по сравнению с ним Байрон-трагик!» (ПСС, XIII, 197). Поэт даже признавался впоследствии Д. В. Веневитинову, единомысленному с ним в этом преклонении перед величием личности и творца: «У меня кружится голова после чтения Шекспира. Я как будто смотрю на бездну» (3).

В системе образов драм Шекспира важная идейно-смысловая нагрузка отводится шуту. Само предназначение его в трагедии: право на правду. Горькую, больную - неприкрытую - в самый неожиданный момент посреди балаганной игры словами. В исследованиях не раз указывалось на то, что Пушкин в своей трагедии это право на правду отдает юродивому. Вымышленному самим поэтом, не имеющему конкретного исторического прототипа.

В своем письме к В. А. Жуковскому от 17 августа 1825 г. Пушкин пишет: «...нельзя ли мне доставить или жизнь *Железного Колтака*, или житие какого-нибудь юродивого. Я напрасно искал Василия Блаженного в Чет.<ьих> М.<инях> - а мне бы очень нужно» (ПСС, XIII, 211-212).

Следует заметить, что на пору царствования Бориса Годунова нет исторических сведений о каком-либо юродивом, обличавшем Бориса. Карамзин к теме юродивых обращается, ссылаясь на Джильса Флетчера, в IV главе X тома, характеризующей состояние России накануне царствования Годунова. В примечании 469 о блаженном Иоанне Московском, прозванном Большой колпак или Водоносец, жившем еще в царствование Иоанна IV, сообщается, что он «... носил кресты с веригами железными, на голове тяжелый колпак, на пальцах многие кольца и перстни медные, а в руках деревянные четки»(4). В самой же «Истории...» повествование о блаженном Иоанне, основанное на его рукописном житии, Карамзин предварит словами: «Тогда же был в Москве юродивый, уважаемый за действительную или мнимую святость»(5). Далее историк цитирует житие: «...с распущенными волосами ходя по улицам нагой в жесткие морозы, он предсказывал

бедствия и торжественно злословил Бориса; а Борис молчал и не смел сделать ему ни малейшего зла, опасаясь ли народа или веря святости сего человека». Заключает же повествование следующая оценка историка: «Такие юродивые или блаженные, нередко являлись в столице, носили на себе цепи или вериги, могли всякого, даже знатного, человека укорять в глаза беззаконною жизнью и брать все, им удобное, в лавках без платы: купцы благодарили их за то, как за великую милость»(5).

Трудно сказать, к искренней ли набожности или к области суеверий относили почитание в народе юродивых иностранцы да и сам Карамзин, судя по следующему его переходу от темы о набожности и юродивых к теме о терпимости: «Упрекая россиян суеверием, иноземцы хвалили однако ж их терпимость, которой не изменяли мы со времен Олеговых до Феодоровых и которая в наших летописях остается явлением достопамятным, даже удивительным: ибо чем изъяснить ее? Просвещением ли, которого мы не имели?..» (5, 173). Следует заметить, что Пушкин в своих <Заметках по русской истории XVII века> 1822 года, говоря о просвещении народном, подчеркивал определяющую роль и значение русского духовенства и монашества в его развитии: «Мы обязаны монахам нашей Истории, следственно и просвещением» (ПСС, XI, 17). Спустя десятилетие, в незавершенной статье «О ничтожестве литературы русской» он опять-таки вспомнит об этом: «Духовенство, пощаженное удивительной сметливостью татар, одно - в течение двух мрачных столетий - питало бледные искры византийской образованности. В безмолвии монастырей иноки вели свою бесперывную летопись. Архиереи в посланиях своих беседовали с князьями и боярами, утешая сердца в тяжкие времена искушений и безнадёжия» (ПСС, XI, 268).

Трудно также сказать, судя по переписке Пушкина, были ли ему доставлены «жизнь *Железного Колтака*, или житие какого-нибудь юродивого» (ПСС, XIII, 211-212). Вряд ли. Тем более, что скорее всего на то время существовало лишь рукописное житие Иоанна Московского(6).

К слову сказать, сведения о том, что блаж. Иоанн «торжественно злословил Бориса; а Борис молчал и не смел сделать ему ни малейшего зла, опасаясь ли народа или веря святости

сего человека злословил Бориса», - опубликованы лишь Карамзиным и составителями «Словаря о святых и угодниках» 1836 и 1862 года изданий. Позже они были изъяты, а вместо этого, со ссылкой на краткую рукописную запись при Покровском соборе, указывалось: «...встречаясь с Годуновым, говорил вслух: «умная голова, разбирай Божьи дела. Бог долго ждет, да больно бьет» (7).

Из письма П. А. Вяземского от 6 сентября 1825 г. видно, что просьбу о присылке жития Жуковский переадресовал Карамзину и все вместе они отнеслись не только скептически, но и настороженно к идее Пушкина ввести в состав действующих лиц трагедии юродивого: «Карамзин очень доволен твоими трагическими занятиями и хотел отыскать для тебя *железный колпак*. Я советовал бы тебе прислать план трагедии Жуковскому для показания Карамзину, который мог бы тебе полезен быть в историческом отношении. Житие Василия Блаженного напечатано особо. Да возьми повесть дядошки твоего Василья: разве он не довольно блаженный для тебя. Карамзин говорит, что ты в колпаке немного найдешь пищи, то есть, вшей. Все юродивые похожи! Жуковский уверяет, что и тебе надобно выехать в лицах юродивого» (ПСС, XIII, 224). В безобидной, на первый взгляд, игре слов «Карамзин хотел отыскать для тебя *железный колпак*», - и в следующей за этим просьбе о подготовке плана трагедии «для показания Карамзину» Пушкин справедливо усмотрел попытку учреждения над ним вслед за политическим надзором, еще и творческого руководства. Но уже Карамзиным.

Пушкин в ответ ограничится тем, что поддержит игру слов: «Благодарю от души Карамзина за Железный Колпак, что он мне присылает; в замену отошлю ему по почте свой цветной, который полно мне таскать. В самом деле, не пойти ли мне в юродивые, авось буду блаженнее!» (ПСС, XIII, 226). Точно так же уйдет он и от прямого ответа о плане для Карамзина: «Ты хочешь *плана*? Возьми конец X и весь одиннадцатый том, вот тебе и *план*» (ПСС, XIII, 227).

Впоследствии, пытаясь избежать нападков критики, защищая свое право на свободу в отборе действующих лиц, поэт в набросках предисловия писал: «... Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов» (ПСС, XI, 140).

Одним из основополагающих принципов работы над трагедией становится сознательный отказ Пушкина от стремления к «*правдоподобию*» (ПСС, XIII, 197), поскольку «именно оно то и исключается самой природой драматического произведения» (ПСС, XIII, 197). Вместо следования *строго исторической достоверности*, сковывающей свободу творчества, автор избирает «правдоподобие положений и правдивость диалога» (ПСС, XIII, 197), почитая именно это «истинным правилом трагедии» (ПСС, XIII, 197). Из этого правила он выводит и главное завоевание Шекспира как трагика: «...когда писатель задумал характер какого-нибудь лица, то что бы он ни заставлял его говорить, хотя бы самые посторонние вещи, все носит отпечаток данного характера. <...> Вспомните Озлобленного у Байрона (*ha pagato!*) [*пер.: Он заплатил!*] - это однообразие, этот подчеркнутый лаконизм, эта непрерывная ярость, разве все это естественно? Отсюда эта принужденность и робость диалога. <...> Читайте Шекспира, он никогда не боится скомпрометировать своего героя, он заставляет его говорить с полнейшей непринужденностью, как в жизни, ибо уверен, что в надлежащую минуту и при надлежащих обстоятельствах он найдет для него язык, соответствующий его характеру» (ПСС, XIII, 197-198).

Не случайно следование Карамзину «в светлом развитии происшествий» (ПСС, XI, 140) Ю. М. Лотман в своем «Историко-литературном комментарии» к «Борису Годунову» считает «лишь «предполагаемыми обстоятельствами», в которых раскрываются страсти и чувствования» (8) действующих лиц пушкинской трагедии.

В то же время замечание Карамзина о том, что Борис Годунов «беспрестанно перечитывал Библию и искал в ней оправдания себе», - послужило толчком для обращения Пушкина к теме об Ироде. В письме к Вяземскому от 13 сентября 1825 г. он пишет: «Благодарю тебя и за замечание Карамзина о характере Бориса. Оно мне очень пригодило. Я смотрел на него с политической точки зрения, не замечая поэтической его стороны; я его засажу за Евангелие, заставлю читать повесть об Ироде и тому подобное» (ПСС, XIII, 226-227). Правда, он отвергает основную для Карамзина «в начертании характера Борисова дику»

смесь: набожности и преступных страстей» (ПСС, XIII, 224). Взамен ветхозаветного стремления к самооправданию Пушкин в основу характера своего главного героя положил новозаветную память смертную, «огнь неугасимый» мук нечистой совести, преследующий его. В пушкинском «засаду за Евангелие, заставляю читать повесть об Ироде...» - сознательный отказ от ветхозаветной Библии, что у Карамзина.

Это в Ветхом завете ищут и находят оправдание «преступным страстям». Чтение новозаветное - очистительно. Попаляющее грехи, попаляющее «преступные страсти». Евангельский путь прискорбный и узкий, путь одинокий - на Голгофу. Но не к Христу: «Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят» (Лк., XXIII, 34). Путь Годунова на ту Голгофу, где достойное по грехам приемлют. Сознательный путь годуновых в верховной власти.

В системе образов трагедии поэтом юродивому Николке отводится чрезвычайно важная - в нравственно-психологическом аспекте роль. Настолько важная, что есть все основания рассматривать его простодушное: «нельзя молиться за царя Ирода - Богородица не велит» (ПСС, VII, 78) - выражением авторского мнения о суде над Годуновым: и Божиим, и народном. В письме к Вяземскому от 7 ноября 1825 года Пушкин пишет: «Юродивый мой, малой презабавный <...> Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию - навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!» (ПСС, XIII, 239-240). Высказывание это - свидетельство того, что alter ego автора «в надлежащую минуту и при надлежащих обстоятельствах» становится чуть ли не каждый из персонажей трагедии, не исключая Самозванца и Годунова. Но у образа юродивого, с его правом на правду, правом «дурака» (ПСС, VII, 78) - особое предназначение. Назовем его средоточием alter ego автора.

Можно сказать, перефразируя пушкинские строки о четвертой песне «Онегина», что в Николке Пушкин изобразил самого себя. Следует только помнить, что здесь Пушкин меньше всего подражал Байрону. Подражание это, столь распространившееся после смерти Байрона, в журнальной критике стали называть «байроничаньем». В письме П. А. Плетневу от 4-6 сентября 1825 года поэт упоминает о ро-

мане Б. М. Федорова «Князь Курбский», первая же глава которого имела название «Юродивый»: «Кстати: Борька также вывел Юродивого в своем романе. И он байроничает, описывает самого себя! - мой Юродивый впрочем гораздо милее Борьки - увидишь» (ПСС, XIII, 249).

Сравнение интересно тем, что, по мнению Пушкина, автор «Князя Курбского», попытавшись уподобить самому себе Николая Салоса, псковского юродивого, в результате «байроничанья» вывел под видом юродивого самого себя: «Борьку». Автор же «Бориса Годунова», идя вослед Шекспиру-трагику, вывел Юродивого. Которого он называет: «мой Юродивый». Мой - прежде всего потому, что он всецело создание автора, поэта, мыслителя, историка - творца. При том, что у автора не было ни конкретного исторического прототипа, ни конкретных исторических обстоятельств. «Предполагаемых» для раскрытия мыслей и чувствований. И сам образ, и те обстоятельства, в которых действует Николка, следует отнести к вершинным проявлениям пушкинского дара перевоплощения. Но главное - к проявлению здесь дара Божьего, провидящего и прорицающего.

Пушкин считал «колпак юродивого» достаточно надежной защитой от цензурных вымарываний. Он ошибся: «колпак юродивого» не защитил.

«Замечания на Комедию о царе Борисе и Гришке Отрепьеве», хранившиеся в составе «Дел III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине», были составлены после следующего распоряжения Николая I: «Я очарован слогом письма Пушкина, и мне очень любопытно прочесть его сочинение; велите сделать выдержку кому-нибудь верному, чтобы дело не распространилось» (9). Автор «Замечаний» приходит к заключению: «... в целом составе нет ничего такого, которое показывало бы сильные порывы чувства или пламенное поэтическое воображение. Все подражание от первой сцены до последней. <...> Некоторые сцены непременно должно исключить» (9, с. 413).

Сначала предлагалось исключить лишь некоторые слова, монологи. В сцене с юродивым, значившейся под № 2, основанием для исключения послужило невразумительное: «слова: не надобно бы молиться за царя Ирода,

хотя не подлежат никаким толкам и применениям, но так говорят *раскольники*, и называют Иродом каждого кого им заблагорассудится, кто бреет бороду и т. д.» (9, 413).

Но затем, после «Выписки из Комедии о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве», следует выписка уже шести мест, подлежащих исключению. Среди них под №2 указывается и весь «конец сцены «Площадь перед собором в Москве», начиная словами Юродивого: «Борис, Борис! Николку дети обижают...» (9, 414).

В Святогорском Успенском мужском монастыре в пушкинское время хранилась «древняя летопись» (10), по определению архиепископа Псковского Евгения Болховитинова в его работе «Описание Святогорского Успенского монастыря» (1821). В ней излагалась история основания святой обители, связанная с явлением чудотворных икон Божьей Матери: «в 7071 лето один юродивым почитавшийся юноша, пятнадцатилетний, родом из пригорода Воронича, именем Тимофей, пасший скот <...> слышал глас...» (11). Существует несколько редакций этого повествования, в продолжение XVII-XIX вв. были составлены многочисленные списки.

В списках имеются существенные различия, варианты не только в описании деталей, но и в изложении самих событий. Существуют два устойчивых варианта заглавий повествования, имеющих важное значение для характеристики данных сверхъестественных явлений, предшествовавших возникновению монастыря: «Повесть и сказание о явлении Пресвятей Богородицы и приснодевы Марии, в Вороничи, иже на Синичьи горе...» и «Повесть о явлении чудотворных икон Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии во области града Пскова, на Синичьи горе, иже ныне зовома Святая гора...» (12). Но на самой характеристике, как и на расхождении в деталях, конкретизирующих условия и обстоятельства явления чудотворных икон и того «гласа предивного», что слышал блаженный Тимофей, в данной работе мы останавливаться не будем. В современном литературоведении повествование получило условное название «Святогорская повесть», которым мы и будем пользоваться в дальнейшем.

В XVII столетии Русская Православная Церковь в просветительском служении видела

одну из самых важных сторон своей деятельности по укреплению государственности России. Особое значение приобретает тогда переработка древних летописных сказаний, повествующих о почитании местных святых. В литературоведении В. М. Кириллиным, одним из первых исследователей списков Святогорской повести, предлагалось рассматривать это явление как «целое идейно-литературное направление <...>, имеющие вполне определенные цели» (12, с. 146). На наш взгляд, оценка им этого направления оказалась предвзятой. Он отказывает ему в самом важном: в существовании и метода, и творческих принципов. Возникновение его он связывает всецело со стремлением к прославлению местных святых, вследствие этого «Святогорская повесть» в данном контексте исследования определяется как «памятник местной идеологии, пропагандирующий псковские святые» (12, с. 146).

К сопоставлению юродивого Николки с блаженным Тимофеем, пастушком пригорода Воронич, впервые обратилась Н. К. Телетова. Рассматривая проблему прототипов в своей работе «Святогорская повесть» и отражение ее в «Борисе Годунове» Пушкина, она приходит к заключению: «Примечательно, что все юродивые, по свидетельствам современников, были весьма воинственны, агрессивны - не то в трагедии, где Николка оказался слеплен по образу и подобию святогорского Тимофея» (13).

Введение Пушкиным в состав действующих лиц трагедии мальчишек, обижающих Николку, она считает результатом внимательного чтения Пушкина самого подлинника: «древней летописи» Святогорского монастыря. Мало-значая, на взгляд многих переписчиков и авторов редакций «Святогорской повести», деталь: «Юнии же творяху ему пакости, от злых научении, паче же и от врагов прельщаеми» (13, с. 3), - для пушкинской трагедии оказывается тем, искомым поэтом в житии «какого-нибудь *юродивого*» (ПСС, XIII, 212) «предполагаемым обстоятельством», в котором разворачивается действие сцены «Площадь перед собором в Москве».

В то же время следует признать: вывод о том, что пушкинский Николка «слеплен по образу и подобию святогорского Тимофея», вряд ли достаточно обоснован. Блаженный Тимофей, который «... никому жестока словеси и неподобна не извещеваше» (13, с. 3), никак бы

не мог просить: «Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича» (ПСС, VII, 78). Скорее, данные мысли и чувствования восходят все же к «предполагаемым обстоятельствам», в которых действовал псковский Никола Салос с его палочкой, подъезжая к Иоанну Грозному и приговаривая: «Иванушка, Иванушка, покушай хлеба-соли, а не человеческой крови» (14).

По мнению А. М. Панченко, рассматривавшего явление юродства на Руси в контексте народной культуры: «Активная сторона юродства заключается в обязанности «ругаться миру», обличая грехи сильных и слабых, не обращая внимания на общественные приличия. Более того: презрение к общественным приличиям составляет нечто вроде привилегии и неперемennого условия юродства, причем юродивый не считается с местом и временем, «ругаясь миру» даже в Божьем храме» (15).

Житие такого юродивого и искал Пушкин. Корни этого явления в народной культуре, культуре прежде всего *зрелищной*: «Юродивый - актер, ибо наедине с собой он не юродствует. Днем он всегда на улице, на людях, в толпе - на сценической площадке. Для зрителя он надевает личину безумия, «глумится», как скоморох, «шалует». Если Церковь утверждает благообразие и благочиние, то юродство этому себя демонстративно противопоставляет» (15, 394).

Поэтому вряд ли правомерно и замечание Н. К. Телетовой о том, что блаженного Тимофея «унижают и высмеивают так, как делают это мальчишки с юродивым Николкой у Пушкина» (13, с. 25). В «Словаре языка Пушкина» дается следующее употребление слова юродивый: «Христианский аскет-безумец, обладающий, по мнению верующих, даром прорицания» (16).

Да, пушкинский Николка-безумец протодушен. Играя дитя, живет, играет и действует как дитя - не обижаясь насмешками мальчишки: «Здравствуй, Николка; что же ты шапки не снимаешь? (*Щелкает его по железной шапке.*) Эж она звонит!» (ПСС, VII, 77).

Радуюсь копеечке - хвалится в ответ копеечкой: «А у меня копеечка есть» (ПСС, VII, 77). «Мысли и чувствования» Николки - это одновременно эгоцентризм аскета-безумца и эгоцентризм безумца-ребенка, не ведающего, что творит.

Герой же «Святогорской повести» не юродствует, бежит мира, бежит улицы, ища

уединения. По одному из списков повести бежит блаженный Тимофей и игр, и злых мальчишек: «он же никакo с ними игры не творяше, но бегая от них» (12, 148).

Иоанн Московский «торжественно злословил» - Николка жалуется: «Борис, Борис! Николку дети обижают» (ПСС, VII, 77). И как обиженное же дитя требует кары для обидчиков - за отобранную копеечку: «Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича» (ПСС, VII, 78).

Говоря о блаженном Тимофее, надо помнить о различии типов подвижничества. Николка - *юродивый*, Ради Христа. Тимофей - *блаженный*. Во Христе.

В отличие от Николки он не умеет обижаться. Вспомним эпизод с возвращением пастушка Тимофея «во град» после видения в час вечернего пения «на реце, зовомей Лугвице, света велия, паче солнца сияющего, после слышания гласа предивного, глаголющего от света оногo: «О Тимофее, востани, не бойся!» (12, 148). После явления ему и там, и на горе Синичьей, где «всю ночь без сна пребываше, в недоумении и во страхе велице моляся Богу» иконы «во свете оном стоящу Пречистыя Богородицы Умиление, на воздухе» (12, 149). Его, оставившего «скоты отца своего» (12, 149), встречают укорами и поношениями: «Входящу же ему в весь, мнози от человек буйх и ненаказанных позор и укор творяху ему, ручающесе, яко урода его мняху быти» (12, 149). Тимофей приемлет их с благодарностью: «Он же с любовию приимаше и благодарне терпяше от них» (12, 149).

Тимофей от обиды не плачет - пребывает в слезной молитве. Ни у кого не ищет и не просит защиты - возверзает печаль на Господа, как в эпизоде с насильной женитьбой его: «...иногда же, пад на земли, со слезами всю ночь молящесе Богу и Пречистей Его Матери - избавитися ему от искушения диаволя» (12, 150). И умягчит молитва Тимофеева злые сердца: «И дивишася терпению его, и страх велий обдержаша я. И призваша его к своей трапезе, и молиша и много, и прощения просяще о насиловании и порабощении. Он же радостне прощение им дарова» (12, 150).

В эпизоде же с иереями и народом, не поверившими «возвещению Божию» Тимофея о крестном ходе: «Они же не послуша его и уродива его нарекоша, овии же ругахуся ему

велми. Тогда же бысть у великомученика Георгия, во граде, священник именем Никита. Той паче всех не послуша и не верова, но ругашеся ему, нарицаючи его урода и безумна» (12, 151), коллизия разрешится вмешательством самой Богородицы, «обидящих грозной наказательницей» (17).

В начале 20 столетия иеромонахом Алексием (Кузнецовым) было предпринято «религиозно-психологическое, моральное и социальное исследование» (18) такого феномена подвижничества, как юродство Христа ради. Характеризуя восприятие этого подвига в обществе, исследователь отмечал: «Но для человека, слишком далекого и от той среды, и от той жизни, какую рисуют прологи и четьи-минеи, отречение от законов ума святых юродивых представляется странным и они низводят их на степень психически расстроенных людей, только потому, что они не подчиняются общей логике» (18). Наблюдение это тем более верно, если говорить о восприятии подобным читателем образа пушкинского Николки.

Высказывания Николки - не обличение, не прорицание. *Не юродство*. В том смысле, как о нем пишет иеромонах Алексей: «... отрешенность от ума у святых юродивых была сознательная, а не внутренняя. Последней отрешенности в святых юродивых предполагать нельзя; и в возрожденном благодать хотя заменяет ум, так же как солнечный свет - свет зажигаемый, но не исключает, однако, его деятельности <...> ...умственная деятельность святых юродивых не была бессознательной; напротив, она совершалась по предварительно обдуманному плану (днем юродствует, а ночью молится). Значит, внутреннее отношение к уму у святых юродивых было естественное. Они отрешались от ума только во внешней жизни» (18, с. 96).

У пушкинского Николки умственная деятельность, как и у самого создателя этого художественного образа, - творческая:

... И пробуждается поэзия во мне:

Душа стесняется лирическим волненьем,

Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,

Излиться наконец свободным проявленьем... (ПСС, III, 321) - была именно бессознательными. Не деятельностью была - а действием, совершаемым Духом. И определение это столь же применимо к понятиям о юродстве

Христа ради или блаженству во Христе, как и к понятию о творчестве: «Дух, идеже хочет, дышет, и глас его слышиши, но не веси, откуда приходит, и камо идет: тако есть всяк человек, рожденный от Духа» (Иоанн, III, 8). Вот только - «невесте, коего духа есте вы» (Лк., IX, 55). И это Иисус Христос говорил Своим ученикам, возжелавшим низвести огонь с небес для истребления жителей самарянского селения, лишь за то, что те не захотели принять их Учителя. Иакову говорил и Иоанну, которого впоследствии стали именовать Апостолом Любви. Ради Христа - не всегда значит во Христе. Дух Христов: «... не преречет, не возопиет, ниже услышит кто на распутьях гласа Его. Трости сокрушены не преломит, и лена внемшася не угасит...» (Мф., XII, 19-20).

Блаженный Тимофей - во Христе. А пушкинского Николку Борис пожалел: «бедный Николка» (ПСС, VII, 78). Почему же *бедный*?.. Тимофей ни у кого не просит ни помощи, ни защиты. А Николка помощи и защиты просит у Бориса, который для него - царь Ирод: «Борис, Борис! Николку дети обижают» (ПСС, VII, 78). Просит у преступившего законы и человеческие, и Божеские - и получает милостыню.

Годуновым, выходящим из собора, после Литургии, после покаянной молитвы - все происходящее воспринимается Божьим вразумлением. О нем молил в соборе, его ждал: «Вразуми мя, оправданием Твоим». И после сочувственного: «О чем он плачет?» - к народу о нем, о *Божьем человеке*, - слышит: «Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать...» И Годунов защищает не Николку, который, не ведая того сам, обличает. Он защищает Николку, пожелавшего смерти отобравших его копейку.

В завершение данной темы обратимся вновь к сопоставлению сцены с юродивым у Пушкина и характеристике набожности Бориса Годунова Карамзиным в его «Истории...». У Карамзина «Годунов казался (выделено мною. - Б. В.) весьма набожным» (5): юродивого не трогает либо потому, что опасается народа, либо потому, что верит его святости. У Пушкина Годунов не только не опасается народа - он вместе с народом *верит* в то, что юродивый - человек Божий, ища в бессмысленных, бессвязных порой словах его - Божьего гласа: прорицающего...

У Карамзина Годунов, еще не самодержец, с юродивым, злословящим его, молчит и

не смеет сделать ему ни малейшего зла. У Пушкина самодержец не молчит - защищает: «Оставьте его». Не смея ни судить, ни осуждать Божьего человека, оправдав его зложелание - своим преступлением. Просит: «Молись за меня, бедный Николка» (ПСС, VII, 78), - и уходит оправданным. Только Божьим ли оно было - это оправдание?..

Годунов не дослушал Николку. Божье было - другое. Вразумлением самому Николке: милостыню подали, дали копеечку, а взамен: «Молись за меня, бедный Николка». Его неожиданное, простодушное вслед Борису: «Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода - Богородица не велит» (ПСС, VII, 78), - не обличение Годунова. Божие проричание: ни молиться нельзя, ни просить о защите... И милостыню принимать от царя Ирода нельзя.

Главного героя «Святогорской повести», блаженного Тимофея, нельзя относить к общепринятому типу подвижников, юродствующих Христа ради. Не был Тимофей и «безумным, божевольным, дурачком, отроду сумасшедшим» (19), таких в народе считали *юродивыми*, «находя нередко в бессознательных поступках их глубокий смысл, даже предчувствие или предвиденье» (19). Бессознательных поступков у Тимофея не было. Поэтому нельзя говорить о почитании его - говорить можно

лишь об уничижительном отношении: «мнози глаголаху его урода суца и несмыслена нарицаху» (12, с. 148). У Даля дается следующее определение слова урод или юрод, юродка: «дурак, дура отроду, малоумный». (19) А вызывалось это уничижительное отношение лишь тем, что «бысть же отрок егда в возрасте, нрав имея молчалив и кроток, смиренномудрием и кротостию украшен, пребывая в покорении родителей своих...» (12, с. 147).

Если добродетель смирения и послушания в обществе считается признаком слабоумия, можно говорить о глубоком нравственном кризисе, поразившем его. Это и становится причиной возникновения такой неожиданной в сюжетном построении повествования коллизии, как недоверие к «возвещениям Божиим» Тимофея и со стороны народа и со стороны духовной, церковной власти. Сопровождавшееся и поношениями, и оскорблениями, приведшее в конце концов к гонениям. К мученической кончине Тимофея в Великом Новгороде. И к последовавшему за этим Божию вразумлению Новгорода: «... они же не послушаша его и много зла пострадаша, писано бо есть: ненавидящие праведного прегрешат» (13, с. 12). Но анализ особенностей сюжетного построения и нравственного значения событий «Святогорской повести» - тема уже следующей работы.

Литература

1. Шекспир и русская культура. Под редакцией акад. М. П. Алексеева. М. -Л., 1965. - С. 171.
2. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1998 - XII т. в 4 кн. - Кн. 1. - С. 38.
3. Пушкин по документам Погодинского архива. I. М. А. Цявловского. // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XIX-XX. Петроград, 1914. - С.77.
4. Цит. по: Пушкин А. С. Борис Годунов / Предисловие, подгот. текста, статья С. А. Фомичева. Комментарии Ю. М. Лотмана. - СПб., 1996. - С. 330.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1998 - XII т. в 4 кн. - Кн. 4. - Т. X. - С. 173.
6. См. об этом: Источники. - Прим. 156 к ст. ИОАНН, юродивый, названный большим колпаком... // Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. Сост. Эристов, кн. Д. А., Яковлев М. Л. Издание второе (исправл. и доп. полн.) - СПб., 1862. - Репринт. - М., 1990 - С. 257.
7. Игнатий, архимандрит. Краткие описания русских святых. Кн. 2. СПб., 1875. - С. 130-131; Юродство во Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви. Исторический очерк и жития сих подвижников благочестия. Сост. свящ. Иоанн Ковалевский. М., 1902 - Репринт. - М., 1996. - С. 245; Толстой гр. М. В. Рассказы из истории Русской Церкви. Изд. 5. - М., 1898, -Репринт. - М., 1999. - С. 402.
8. Лотман Л. М. Комментарии. // Пушкин А. С. Борис Годунов. - СПб., 1996. - С. 136.
9. Винокур Г. О. Комментарии к «Борису Годунову». // Пушкин ПСС. Л. - Год издания не указан. - Т. 7. Драматические произведения. - С. 412.
10. Об утрате ее см.: *игумен Иоанн (Мазь)*. Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. // Свято-Успенский Святогорский мужской монастырь Псковской епархии. М., 2003. - С. 152.
11. Евгений, архиепископ (Болховитинов). Описание Святогорского Успенского монастыря. Дерпт., 1821.

12. *Кириллин В. М.* Новые материалы для истории книжно-литературных традиций средневекового Пскова. Святогорская повесть. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. - С. 141-142.
13. *Телетова Н. К.* Святогорская повесть и отражение ее в «Борисе Годунове» Пушкина. // Повесть о явлении чудотворных икон Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии во области града Пскова, на Синичьи горе, иже ныне зовома Святая гора. Святогорская повесть. Публ. и ст. Н. К. Телетовой. СПб., 2000. - С. 29.
14. Юродство во Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви. Исторический очерк и жития сих подвижников благочестия. Сост. свящ. Иоанн Ковалевский. М., 1902 - Репринт. - М., 1996. - С. 213.
15. *Панченко А. М.* Русская история и культура. Работы разных лет. СПб., 1999. - С. 393.
16. Словарь языка Пушкина. М., 1956-1961. - В 4-х тт. - Т. 4 - С. 1022.
17. Краткая история Святогорского монастыря и акафист Божией Матери пред чудотворной иконой Ея Одигитрии. Псков, 1999. - С. 9.
18. *Алексий, иеромонах (Кузнецов).* Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое, моральное и социальное исследование. - СПб., 1913. - Репринт. - М., 2000. - С. 94-95.
19. *Даль Владимир.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М., 1956. - Т. 4 - С. 669.